

За то и палили...

Михаил Корин
За то и палимы

«Автор»

2025

Корин М.

За то и палимы / М. Корин — «Автор», 2025

Книга написана по фактам современной мне жизни в 80-х годах СССР. При чем я был участником описываемых мною событий. Вымысла нет совсем. Повесть-чистый документ эпохи.

© Корин М., 2025
© Автор, 2025

Содержание

За то и палимы	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Корин

За то и палимы

В морском прибое беспокойном, в песке пустынном и нестройном и в женском теле непристойном отрады не нашли мы. Беспечную забыли трезвость, воспели смерть, воспели мерзость, воспоминанье мним как дерзость, за то мы и палимы.

А. Введенский. "Элегия".

Михаил Корин

За то и палимы

Повесть

В морском прибое беспокойном, в песке пустынном и нестройном и в женском теле непристойном отрады не нашли мы. Беспечную забыли трезвость, воспели смерть, воспели мерзость, воспоминанье мним как дерзость, за то мы и палимы.

А. Введенский. "Элегия".

Глава 1

Игорь

Игорь спал увлеченно и тяжело, как работал. Жарким летним днем на поле изобретает он из старых брошенных запчастей сенокосилку. От жары, от умственных и физических усилий пот собирается каплями и стекает. Ему страшно хочется обтереться, но руки грязные, и чистой тряпки нет; хочется пить, а нечего.

Сенокосилка почти готова, когда он слышит, как кто-то за спиною окликает его, будто издали, потом трясет за плечи.

Внезапно ойкнув, Игорь просыпается и видит недовольное лицо Регины.

– Вставай, дурень. Мокрый-то какой! Ну прям с сенокоса!

– А ты откуда знаешь? – Игорь искренне изумился и сел в постели. Волосы разметались и колечками прилипли ко лбу и шее, капли пота стекали по животу, круглому, как у Будды. Он покрутил головой, обеими пятернями пригладил голову и встал. Начался очередной день.

Выродок. Для всей семьи он безусловно таковым был. Не соблюдал постов и праздников, не почитал старших. Но времена уже не так строги, что прежде и заслужить такое звание надо было постараться. Игорь, однако ничуть не старался. Все у него катилось, как ком с горы, само собою.

Бабка Мария как-то, глядя своим кривеньким зрячим глазом и вцепившись лапкой в пуговицу на его куртке, чтоб не улизнул, прошелестела ему:

– Беда, беда, что одной дорогой не хочешь идти.

И выпустила пуговицу, а пострела уже нет. Отбежав, Игорь оглянулся: старуха сидела неподвижно, будто ничего и не было. И вокруг никого. Он перевел дух. Почему-то показалось невыносимым, если бы кто подслушал.

С этого дня и на всю жизнь, и неосознанно поначалу Игорь знал, кто он, и уже не боялся осуждений.

Ком катился дальше лихо и весело, набирая вес и силу. Лилька приехала к ним в городок, где каждый знал насквозь каждого; и семью его знал, и родственников, и предков до третьего колена, самое малое. Одним словом, это до жути раздражало свежего человека. Лилька приехала, и что-то в городке всколыхнулось. Дело было в ней: за гастролершей кое-что числили в прошлом и не забыли, и потом два года в училище, да еще вдали от папы и мамы не исправили ее вольных устремлений.

Она была своя и чужая в то же время. Подруга с нею уж точно была чужая.

Несомненно, что именно эти причины разбудили в Игоре дремавший инстинкт. Лилька старше – ничего, тем сильнее его влечет. Он знал ее хорошо... Три года назад ее еще школьницей вынесли вместе с хахалем вдвоем на носилках и сразу на "скорую". Их застучала ее мать, и у нее зажало.

На другой день об этом знали все и она уехала.

Игорь страшно желал именно ее, а в таких случаях он не спорил с собою. Главный козырь – плавки с секретом, и именно пара у него были. И на эти плавки он в основном и рассчитывал. А ещё на Витьку Рубцова. Он необходим – двое на двое.

И в решающий момент, когда девицы в подаренных плавках залезли в воду, через мост двинулась рота солдат. Купальщицы сунулись было из воды на песок и обнаружили, что плавков нет. Они должным образом растаяли, что гарантировала фирма. С моста – взрыв восторга, парни на берегу в замечательном настроении обозревали тем временем растерянных подруг. Те

спаслись в воде, но вскоре дело уладилось тем приятным образом, как на это рассчитывал Игорь.

Через неделю Витька повез его к друзьям во Львов, и там они впервые сыграли в "тарелочку". Когда Игорь вошел в полутемную комнату, где, каждая на своей тарелке, стояли "телки" нагишом, он почувствовал в себе дикаря. Потом было сладостное безумство, швыряние денег. Домой они ехали "пустыми".

Друзья наловчились делать свистульки для детей и появились деньги. Потом собрали знакомых девчонок посмелее и объяснили правила игры. Те хором: а деньги?!. Увидев, убедившись, что все в порядке, девчонки согласились. Это случилось в июле. К середине августа в городке разразился скандал: двое забеременели и рассказали родителям.

Игорь с Витей уехали из родных пенатов в мореходку, где был недобор.

* * *

Регина... опять эти сплетни на кухне, эти склоки то с тем, то с другим... Это ему надо? Но как сделать так, чтобы она знала меру? Он-то сам знает? Они оба безудержны во многом: в работе, за столом, в постели. Держать ее в стороне от дел он никак не сумеет и не хочет. Она ему нужна как опора, но вот только если бы не проявляла свой бабий норев!

На фабрике и так беспокойно. Надо осторожнее с теми и этими. Нет, этот мир ненадолго, но пока он нужен. Нужно собрать людей, научить работать, сделать план и тогда легче будет ладить с директором.

Чует он, Коваленко с Ивановым и прочими подведут. И пусть подводят. Но не сейчас, через месяц-другой. Как они все вокруг него хороводили, когда он только присматривался к фабрике и директору. Мы тебе все, только запусти производство. А куда его только не приглашали!

– Алло. Я вас слушаю. (Ага, торопишь, директор! Ну, а как с бабками?) А сколько вы заплатите за изделие? Что людям сказать? Ну если так, люди работать будут. Днем ли, ночью – это уже наше дело. Все. Сейчас еду.

Регина! Я еду на фабрику.

Регина

Поехал! Пусть повоюет с директором и его шайкой. Пусть унижается, клянчит. А потом как план им сделает, так дулю под нос получит. Сколько раз так было! Ведь говорила дурню: не торопись, Игорь, не подходи сразу к человеку с добром, пока его не знаешь. Люди – они ведь все больше г... Это только последние годы ты ко мне прислушиваешься. А что было-то? Чуть заговорю по делу – заорет, шмотанет, что под руку подвернется, об пол. Псих! Ладно, – думаю, – а выйдет-то по-моему. И выходило. И каждый раз после этого смотрел как побитая собака.

Ведь говорила ему: не связывайся ты с этой задрипанной фабрикой. Получится и здесь, как я говорю: высушат там нас своим планом, вытрясут из него все, что им надо, а потом выживут. Он ведь на полторы сотни не согласится, да я и сама первая уйду. У меня-то работа всегда есть.

Обед приготовлю, Мишку в школу отправлю и шить сяду. Дарье надо к Новому году платье, Глушачихе – через неделю, Анне Михайловне – через пару недель.

– Мама, ну что ты делаешь? Ну зачем тебе столько? Что? Что ты говоришь? Да? А не слипнется у тебя? Наложу вот в эту кружку да садись перед телевизором.

Боже мой! Лопнет скоро от жратвы, ведьма старая! И пихает, и напихивает в себя... Всю жизнь жадничала, кусок для родных детей жалела, а теперь вот жрёт так, что до туалета только успеваешь добежать. Каждую неделю расстройство! И говорить бесполезно.

Звонят. Это Галка из школы.

– Мишка, иди обедать.

Ну что, отучилась? Сколько двоек? Двоек сколько принесла? А? Что мне твоя физкультура? Тебе экзамен по математике сдавать. Кому письмо? От Сережки что ль? Давай сюда. Мишка, садись ешь! Отстань от меня, я читаю.

– Так, так... Галка, слышь, что пишет Серега-то? Скучаю, говорит, больше всех по Галке.

– Ну чего канючишь? Вон второе в сковородке. Галка, иди обедать.

* * *

В детстве она не делала различий между собою и мальчишками, позднее солдатами. Эти светлые волосы никогда не знали бантов, крепкое стройное тело не знало праздничных платьев, рюшей и прочего. Глаза ее всегда созерцали одни только однотипные дома военных городков, казармы, людей в хаки вокруг, все больше молодых и здоровых. Они ходили, делали упражнения, бегали, и Регина частенько с ними на равных, даже в столовой с солдатами ела.

Мир ведь прост! Я состою из тела, моих мыслей в нем, и есть тела вокруг, тоже с мыслями. Они больше и сильнее – вот и все. Бантики и платица – все глупость и смех! Девчонки даже прыгнуть как надо не умеют! А если уж они слабы и неумеги, то за бантики презирать надо! Подрасту, стану большой и сильной, как папа, буду приказывать солдатам и ругать их.

Думая в таком роде Регина тщательно перечисляла все известные ей ругательства, сделав устрашающее лицо и выпятив грудь.

Шофер в колхозе, пустивший ее за руль смеха ради, округлив глаза, выпалил: Ну, девчонка, ну, молодец! "Бой-девка", с этой кличкой она вернулась в школу, в десятый класс из колхоза, где месяц крутила баранку, ругалась на равных с шоферами, копалась в моторе вся в масле, дралась, если надо, в ответ на сальности.

По возвращении домой отец долго вертел ее, грубо поворачивая перед собой так и эдак, улыбнулся и, вздохнув, сказал: Да, девка, жениха тебе надо. Она, задохнувшись, почувствовала, что краснеет и, вырвавшись из его рук, шмыгнула в свою комнату под громовой хохот. Но разговор имел неожиданное продолжение – отец в приказной манере привел ее в ателье и там заказал ей "самое лучшее и самое модное".

После того Регина стала замечать мужские взгляды, стала придумывать себе прически, забегала в парикмахерскую и даже немного научилась кокетству. На новогодний бал она явилась в том отцовском платье и поразила всех. С этого вечера началась злосчастная история ее жизни с Савельевым.

Тогда он показался ей сильным – она уважала только силу, изворотливым – презирала побежденных, наконец, он был "не такой как все" – вот крайне убедительная в юности формулировка!

* * *

А слезы все текут... О чем только ни думала до свадьбы: гарнитуры, тряпки, путешествие вдвоем, только не о том, что Савельев окажется мразью. Так и надо дуре! Отец-то, что говорил? Ведь просил: подумай.

Как омерзителен он пьяный! Особенно, когда лезет. Ведь надо же гадине именно тогда приставать, когда сопли распустил?! Что же остается делать, как не отбиваться? Вот и получаю каждую неделю трепку, да не одну. А как залезет пьяный – тьфу – так бы размазала по стене, как клопа.

И ребенка своего же не жаль – орет как резаный... Ну что ты с ним сделаешь? Словом, не проймешь, убить его – одна дорога! А там пусть судят! Оправдаюсь. Соседи все уже знают.

Грохот в двери. Регина сжалась, мгновенно втянув голову в плечи. За дверью рев: Регина, открой! Она быстро открыла и дверь распахнулась. На пороге шатающийся Савельев. Мать

моя! Рубаха-то новая вся рваная, и сам будто свинья, в луже, небось, извалялся! А морда-то! Били, сразу видно. Только теперь добра не жди.

– Чего, жена, пялишься? Не нравлюсь я тебе? Вижу, не любишь меня, стерва. Что молчишь, отвечай! Не любишь?

– Не люблю!

– А б...! Смерти мне желаешь?! Хочешь чтоб кончили меня?! Кого ждала? Отвечай!..

– Хоть бы ты сгинул, гад!!

– А-а-а!! Ссу-ка-а!

Из глаз искры. Хорошо, не в живот. Она прикрыла его руками. Савельев ухмыльнулся и двинул в живот, но удар пришелся вскользь. Дикая боль и бешенство. Одна мысль : убью изверга. Рука схватила что-то тяжелое, твердое и пошла честить: руки, голова, спина, лоб, затылок! Прикрывающийся руками Савельев. Ужас в наглых глазах. Отступает к двери. Дверь хлопнула. Ругань и угрозы на лестнице. Захлопали двери соседей. Она тупо уставилась на пятна крови на полу и только тут заметила в руке сковороду.

* * *

Регина шила, размышляя.

– Игорь ругаться хочет с Деменчуком. Шел бы сразу к директору! Давай, жми его к стенке! Пусть сначала подпишет накладные на сорок две копейки, как обещал, а потом будет работа. Иначе фиг ты получишь, только в долги залезем и моей ноги на фабрике не будет. Сам выкручивайся.

И пора прищемить хвост Ивановым и Коваленко. Граверы хреновы! А кто вас научил? Да что вы умеете? Пачкотню! Вот приедет Игорь, посмотрим, что он скажет. Что у вас, у великих граверов за месяц вышло? Лодыри бессовестные!

Чего тебе? К Надьке идешь? Ну иди, чего тебе еще? Возвращайся до семи! Поняла?

Побежала. Какая разница между Савельевыми и Галкой с Мишкой! Эти родились от любви. А те... Что ж – коли родила, то мне с ними и мучиться.

Один уже пошел по стопам папаши, другой – не лучше!

Глава 2

Игорь

Это уже мои люди! Сегодня я работаю на них – эта обстановка, этот стол, коньяк... Они будут со мной работать.

Регина не зря полдня стояла у печки. Может быть, благодаря только этой попойке я обломаю Ременчуку рога. Клара – дурочка, заткнется. А сам Сергей Иваныч не пойдёт, нет! Он чистоплюй. Может только из-за угла, в спину...

Вот Олег уже: "мы за тебя будем бога молить". Николашке только выпить дать и заработать, больше ничего. Вовка. Этот не простак. Но в общем понятен. Его не купишь, он не продаст.

Миша. Из всех он самый непонятный. Но деньги ему нужны. Даже больше чем всем им. Он не скрывает этого.

А сейчас надо дать людям перспективу. И я это сделаю.

Регина

Вот ведь кот! Хорошо ему моими руками загребать жар. Я накормила ораву, а ему только остается им лапшу на уши вешать! Это и я умею. Игорь в своей стихии. Пусть поговорит. Правильно. Теперь, когда они пожрали да выпили, им нужно знать, что они недаром рискуют.

Риск-то есть! С таким начальством недолго и пролететь с зарплатой. Нет, не нравится мне эта фабрика! Виляют, обещают, тянут... Только гадости и жди. Зря Игорь летом на эту клятую контору набрел. Во! Правильно. Ты им фокусы покажи. Тоже годится.

Игорь

Он не проучился и двух лет в мореходке.

Сначала нравилось. Романтика все-таки. Но жизнь вокруг такая красивая, разная. Неужели он выбрал не самое лучшее из того, что ему по зубам? Если так, то придется все менять. Существо его всегда восставало, если рядом кому-то, такому же, как он, доставался лучший кусок. В детстве он часто ел за брата и делал это так: плюнет ему в тарелку, и Толька со слезами отодвигает ее. Игорю того и надо. К концу второго курса он все решил. Надо было только дождаться экзаменов и двинуть. Решимость пришла неожиданно.

Рядом с Измаилом, где они учились, течет Дунай. К концу мая вода прогревалась, и было много смельчаков искупаться в реке. В море пока холодно. Он тогда плыл по течению и оторвался от ребят. Перевернулся на спину, отдыхая, и прямо из этого положения нырнул. Под водой открыл глаза, осмотрелся и ужаснулся. Прямо над ним было темно. Что такое? Мысль искала объяснения, он в панике выпустил половину воздуха и дернулся дальше, резко работая руками. Но сверху все так же нависает что-то. Он поднялся, уперся руками: днище. В голове прояснилось. Он погрузился вновь и поглядел не прямо по течению, а вправо. Есть! Там мрак кончался.

Он вынырнул совсем без сил, когда в глазах уже потемнело. Оттолкнулся от борта баржи, шедшей против течения, и поплыл к берегу. В нем поднималось чувство победителя. Он знал: теперь его ничем не испугать.

А через три дня он и трое однокашников, с которыми Игорь ночами таскал мясо через забор мясокомбината, были окружены подвыпившей компанией одного с ними возраста. Тех было пятеро. Пошла потеха, вначале на кулаках. Вдруг у Витьки в руке блеснул нож. И сразу

воплъ и те убежали. Витька с ножом стоял и смотрел, как у ног корчится пацан. Никто и не знал, что у него есть перо.

Они загремели все. Игорю дали два года. Ему недавно стало восемнадцать. Так случилась первая, самая легкая отсидка.

– Ну что, все поняли?

– Игорь, ты скажи, сколько у нас выйдет?

– Три недели такой работы, и по шестьсот на каждого. Идет?

– Жена меня убьет. Не поверит, что я на работе пропадаю.

– Ну, это уже твои заботы. Я никого не принуждаю.

– Понятно.

– Кто отказывается?

– Тогда сегодня собираемся здесь в шесть вечера. Будем работать до восьми утра.

Работа заканчивается, еще неделя, и заказ выполнен. Сергей Иваныч все тянет с расценками. Правильно Регина говорит: пошли его к черту! Чую: предаст. Ременчук копает под меня. Уф, вот и дома.

– Кто там?

– Это я, Регина!

– Нароботался? Нароботался, да? Что молчишь? Устал?

– Не то слово.

– Хе,хе, хе. Иди на кухню.

– Мне никто не звонил?

– Да кто тебе, дурню такому, звонить-то будет? Все уже знают, что ты по ночам работаешь. Ешь, давай, или жрать не хочешь? Ну, что скажешь?

– Ты о чем?

– А ты будто не знаешь о чем?

– Не подписал он!

– Так тебе и надо, дураку! Может, хоть в этот раз чему научишься. Вспомнишь мои слова, когда работу сделаете, а он такую подпишет расценку, чтобы по сотне у нас вышло. Или ты откажешься от этих денег? То-то! Возьмешь и не подавишься.

– Ладно тебе, Регина, И так голова болит.

– А у меня голова не болит? Чем детей завтра кормить будешь? Или скажешь, на твои деньги живем? На мне дети, на мне хозяйство и ты тоже!

– Если в этот раз он нам не заплотит, как говорил, то я уйду с фабрики и бригаду заберу.

– Давно надо было уходить! Еще когда Иванов зарплату разделил, а Ременчук подписал.

И ты думаешь, люди пойдут с тобой? Пластаться по шестнадцать часов за сотню! Да кому оно понравится?

– Ребята все понимают.

– Понимают, что с дураком связались.

– Молчи, Регина! ... твои слова! И не лезь ко мне! Я пошел спать.

Да. На фабрике безобразия. С того времени, как директором Сергей Иваныч. Зарботки сразу срезал. Тут Клара ему помогла. "Пока я здесь директор, никто не будет зарабатывать больше меня". Кругом понаставил своих людей. От них-то вся вонь. Сам будто бы в стороне. Нет, завтра же поеду договариваться насчет помещения под мастерскую.

* * *

В трудные времена своей изломанной жизни Игорю часто во сне и наяву представало видение: далекий предок, бежавший из разоренного турками Константинополя. Почему он осел на Украине? Ведь путь туда через крымские степи был опасен? Куда как проще ему уехать

с генуэзцами в Италию. Был ли он православным, крещеным, или тут подыграл случай? Вот и сейчас, засыпая, он думал о далеком, усердном в преодолении предке, лет тридцати, но уже степенном, с бородою и пейсами, строгостью в глазах.

Всю сознательную свою жизнь, – а таковая для него началась с первого заключения, – он чувствовал вину свою перед легендарным родоначальником. Он – выродок в семье! Не только потому, что побывал в таких делах, куда ни один человек его народа носу не сунет. Характером он более славянин, чем даже жена его, чистокровная русская. Ха! Вот уж кто еврейской крови из них, так это Регина! Как так могло случиться? Он твердо верил, что случай и Предок помогли. Потому что верил: тела смертны, а души не умирают и помогают потомкам.

Так Предок, через ложе его и потомство, решил выправить заблудший род. Но род уже нечистый, и надо ждать от детей всякого, самого неожиданного.

Мысли его угасли, Игорь заснул. Вдруг его затрясли, голос Регины издали: "Вставай, черт! Ишь разоспался. Обедать пора". Сознание медленно выплывало из глубины и с ним вместе предчувствие, как всегда после интимного общения с предком: что-то вот-вот переменится к лучшему. Он сел на тахте, опустив тяжелое массивное лицо, пригладил всклокоченные седые волосы и пошел умываться. Но зазвонил телефон. Игорь поднял трубку. Ковалев сходу в двух словах изложил новость и будто окатил его ледяной водой.

* * *

Игорю было радостно в этот день. Вдали блеснул свет, всколыхнул надежды и все неудачи показались теперь в далеком прошлом. Сколько жизнь его ни была, ни разочаровывала, он всякий раз умел отсекал от себя недавнее прошлое, когда чувствовал, что оно ему мешает дышать.

Сегодня это случилось – раз! Второе: он уже договорился о мастерской. И Сергей Иванович все узнает в последний момент. Он сидит за кухонным столом. Перед ним начатая бутылка. Ковалев ушел только что. Этот – свой. Кто еще. Из бригады двое – трое. Сегодня надо это выяснить. Кто там пришел?

– Регина, кто пришел?

– К тебе. Хе-хе. Чего спрашиваешь? Сам вызывал.

– Проходите сюда.

Володька и Мишка встали в дверях кухни, в глазах ожидание.

– Чего вызывал-то?

– Проходите, садитесь. Разговор есть.

– Ты им новость сначала скажи, черт. А потом уж разговоры веди.

– Так вы знаете что на фабрике случилось?

– Ременчук крякнул. Оп-ля! Ай да я! Нет его больше!

– Чего радуешься, хе-хе! Человек ведь помер!

– Слушай, Регина. А ведь, правда, стыдно. В прошлом месяце я ему пообещал – публично! – что своими руками отгравирую ему табличку на могилу. Получается, что это я его на тот свет отправил!

– Сам он себя туда отправил, пропойца. Потому и жена его бросила. Все директору задницу лизал.

– Не все ты знаешь, Регина! Вон Ковалев сегодня рассказывал, что он вчера последними словами материл Сергея Ивановича.

– А чего они не поделили? Два ведь сапога – пара.

– А ты послушай. Оказывается Сергей Иванович заставлял его нам гадости делать. Без Ременчука тут он бы никак не обошелся.

– Игорь, ты это... как все случилось?

– Спился Ременчук!

- Не мешай, Регина.
- Так вот, он еще вчера вечером был пьяный. Сидит в своей каморке, а перед ним банка спирта. Входит Панина. Прекращай, говорит, Петрович, или я сама прекращу. Он тут на нее засмеялся. Ты ведь знаешь Панину? Она такое может. Схватила эту банку и вылила в коридор. Он ей: через полчаса я себе еще достану.
- Этот достанет. Хе-хе.
- Он там до ночи пил. А утром сердце отказало. Упал во дворе дома. Сердце не выдержало.
- Теперь на фабрике дышать будет легче.
- Не будет, Мишка. Сергей Иваныч другого на его место найдет.
- Не хуже его!
- Одна Клара чего стоит ... Я ей как-то при людях говорю: уходи ты на пенсию. А я буду платить тебе те деньги, которые ты здесь имеешь. Лично! Только за то, что ты нам здесь не портишь. А она стоит и смеется. Или не поняла?
- Дура она старая.
- Нормировщик – враг рабочего человека.
- Знаете, что я придумал? Я уйду с фабрики. Все равно Сергей Иваныч нам не дает работать. Пойдете со мной? А, Вовка?
- Пойду.
- А ты?
- Борисыч, мне давно не нравятся эти людишки. От них смердит. Я готов присягнуть, что пойду с тобой хоть куда!
- Ишь ты, клясться вздумал. Хе-хе.
- А когда?
- Где-то на следующей неделе. Под мастерскую дают подвал. Я там пока не был, не знаю, в каком он виде, но придется его оборудовать. Самим. Это недели на две работы. Все понятно?
- Понятно.

Регина

Интересно, сегодня он получит или нет? Уже Юркины деньги к концу подходят. Ну, заказы мои оплатят... Еще двести. Нам этого на неделю-полторы. Сам-то жрать здоров и выпить ему подавай. Надо спросить его: он закрыл наряд на меня?

Что делать с Юркой? Надо его куда-то выпроваживать. Весь диван обоссал. Уже в комнату войти невозможно. Отправить бы его в мастерскую при ЖКО. Игорь возмутится: он мой гость! Значит, пусть ссыт на диван? Или он не мне родня, а ему? Ничего, я Игоря уговорю.

– Кто там, мама? Филипповна?

Опять карга старая приплелась. Косточки мне перемывать. Единственное ей и осталось. Мужа в гроб загнала, детей выжила... На рожу глянешь и уже воротит.

Вот до чего же у людей это отражается. И у Юрки морда, как у собаки побитой. Жалко все равно. Не потому, что брат... Двоюродный всего-то.

– Ну что, чай пить будете? Варенья что ли дать? Вишневого? Варенья им... Под зад бы коленом. Бездельницам. Одна другой стоят.

Всю-то жизнь мать на мне сэкономила, кусок жалела. Боже мой, как только папа с ней жил? За что на ней женился? Ни кожи, ни рожи... Повезло ему, что рано умер. Как бы он теперь с ней жил? Пенсию получает, а хоть копейку домой принесла? Все на книжку. Кулачка! На горбу моем сидит. Ведь видит, как нам теперь трудно. Хоть бы раз выручила!

– Шли бы вы в комнату. У меня уже в ушах болит от вашей трескотни.

– Как разговариваю? Нормально. В самый раз! Телефон! Может, Игорь?
– Алло! Ну что, получил? Сколько начислили? Это по полторы сотни на каждого? Сто шестьдесят два? Теперь ты убедился? Ну давай, ехай!

* * *

Регина вела свой род от сибирских крестьян. Отец, правда, наполовину хохол. Потому у нее и фамилия была до замужества: Вакуленко. Но корни ее здесь, в Сибири.

Бабка рассказывала, а Регина любила ее послушать, что до Советской власти в Сибири было не житье, а одно раздолье. Бедняками были одни лодыри и придурки. И воровства не было, замков не вешали, пока не появились политические.

Придут, они бывало, заросшие, грязные, в лохмотьях. Их покормят, оденут всем миром. А через неделю глянь – и вещи пропадать стали. Правда, кто теперь докажет, что воровали политические? С ними-то вместе и всякий сброд гнали.

Родители матери приехали в Сибирь с Дальнего Востока. В двадцать четвертом, как только война кончилась. Пока гражданка шла, с них тянули и красные, и белые, и японцы. Вконец хозяйство разорили, пустили по миру. Но дед был мужик хитрый. И братья его тоже. Пока эти меж собой дрались, они золотишко в тайге намыли и припрятали на черный день. А как ехать, они его переплавили в слитки, да вшили в старый драный половичок, круглый, толстый и плотный. Ну кто на него посмотрит?

В дороге их еще пару раз ограбили. Пуп прикрыть было нечем. Но все время пока ехали, – а они устраивались в поездах всем табором: братья, их жены с детьми, старики, – кто-то обязательно сидел с половиком, глаз не смыкая и ночью. Даже дети все знали, но молчали. А как приехали, золото сразу сбыли – ведь НЭП уже был. Вновь хозяйством обзавелись, и пошла у них в тот же год правильная крестьянская жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.